

УДК 930(410.1)''18/20''

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-41-51

ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX вв.

Яснитский Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются аргументы и изменения трактовок политической ситуации в Англии второй половины XVIII в. в британской историографии XIX–XX вв. Трактовка политической ситуации, сложившейся во второй половине XVIII в. существенно менялась в течение XIX–XX вв. Необходимость анализа трактовок связана с тем, что особенности английского Просвещения во многом определялись особыми политическими условиями, сложившимися в это время.

Ключевые слова: Англия, политическая борьба, тори, виги, историография.

THE POLITICAL SITUATION IN ENGLAND OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY INTERPRETED BY BRITISH HISTORIOGRAPHY OF XIX–XX CENTURIES

N. Yasnitsky

*Moscow Region State University
105005, Radio Str., 10A, Moscow, the Russian Federation*

Abstract. The article discusses the arguments and changing interpretations of the political situation in England in the second half of the XVIII century found in the English historiography of XIX–XX centuries. The interpretation of the political situation of the second half of the XVIII century was changing significantly in the course of the XIX–XX centuries. The need to analyze the interpretations is due to the fact that the characteristics of the English Enlightenment were largely determined by special political conditions of that time.

Key words: political struggle, Tory, Whigs, historiography.

Первые попытки определения политической ситуации, сложившейся в Англии во второй половине XVIII в. были предприняты историками уже в начале XIX в. Анализ этих исторических трудов предпринял в 1959 г. Герберт Баттерфильд, профессор Кембриджского университета [6]. Г. Баттерфильд считает неверной трактовку событий 1760–1790 гг. как событий, главной чертой которых была политическая борьба тори и вигов. Он полагает, что сущностью политики Георга являлась лишь политика уничтожения «партийных министерств» путем преодоления неограниченного влияния семейств вигов и назначения министров «безотносительно их партийных связей» [6, р. 65]. Как представляется, эта трак-

товка Баттерфильда, как и трактовка многих историков, начиная с XIX века и вплоть до настоящего времени, сводится к тому, чтобы обосновать отсутствие политической борьбы в Англии XVIII в. (подчеркнуто мною. – прим. авт. – Н.Я.).

Новые трактовки политической ситуации появляются в 70-х гг. XIX в. В 1874 г. историк либерального направления Дж. Р. Грин в труде «Британия. История английского народа», анализируя политический кризис в начале 60-х гг. XVIII в. в Англии, следующим образом определяет две главные его причины. Это и раскол партии вигов, но это и «торийские» идеи Георга III. По мнению этого историка, «если бы Пит и Ньюкасл, – один, опираясь на промышленные классы, а другой – на вигские фамилии и на весь механизм парламентского влияния, стояли заодно, Георгу III пришлось бы бороться напрасно» [1, с. 451]. Причиной отсутствия единства среди разных группировок вигов было то, что группировка Ньюкасла была недовольна огромными расходами в Семилетней войне, особенно отказом принять условия мира со стороны Франции, а Пит именно в это время (в 1761 г. – прим. авт. – Н.Я.) «предложил новое расширение войны». «Эти широкие и смелые планы напугали его товарищей (вигов), и сопротивление Ньюкасла нашло открытую поддержку в массе вигов и у короля» [1, с. 451]. В результате, «разрыв с Питом оказался на деле смертельным ударом для вигов. Оказалось, что Ньюкасл только для того отделился от своего великого соперника, чтобы ряд намеренных унижений со стороны молодого короля принудил его к отставке; за ним последовали

наиболее влиятельные из его вигских товарищей. Георг III восторжествовал над обеими крупными силами, стеснявшими свободу короны.... Победу короля означало назначение первым министром лорда Бьюта» [1, с. 451].

Отмеченное подчеркивание осознанных и расчетливых действий короля в отношении оставшейся в правительстве группировки вигов, сторонников Ньюкасла, позволяет Дж. Р. Грину прийти к выводу, что планы Георга III как раз и состояли в расколе правящей группировки вигов. Так, Грин совершенно определенно заявляет, что «стремление короля к внешнему миру (сначала в 1761 г., а затем и в 1763 г. – прим. авт. – Н.Я.) объяснялось, главным образом, тем, что он считал его необходимым условием для успешной борьбы за власть внутри страны. Пока продолжалась война, следовало постоянно опасаться возвращения Пита в министерство и объединения под его руководством всех вигов. Мир развязывал королю руки, и он мог рассчитывать на несогласие вигов, на новоявленную преданность тори.... Но более всего он полагался на характер Палаты общин. Последняя, став всемогущей в государстве, в действительности совсем перестала быть сколько-нибудь представительным собранием» [1, с. 453]. Дж. Грин, доказывая наличие у Георга вполне четких политических целей, объясняет это и сохранившимся влиянием короля на важнейшие органы власти. «В распоряжении короля еще находились все назначения в церкви, повышения в армии, большое число мест в гражданском управлении и при дворе. Георг III вернул себе всю эту массу назначений, захваченную было ми-

нистрами его предшественников, и он крепко держался за нее. Характер Палаты общин делал это право, как мы видели, сильнейшим средством влияния не нее» [1, с. 449]. Для палаты общин, отмечал Грин, было характерно использование системы патронажа, открытой продажи мест в парламенте, неравномерное распределение мест от городов и «гнилых местечек» и т.д. Именно в результате этой особенности «у Георга III оказалось в руках одно из орудий Уолпола, и он воспользовался им с беззащитной энергией для уничтожения той партии, единство которой так долго поддерживал Уолпол» [1, с. 449].

К началу XX в. трактовка либеральных историков несколько изменилась, но это не меняло основную мысль: возложить всю вину за политический кризис на «короля и его друзей». К примеру, в исследовании американского историка Чарльза Бирда характер политической ситуации можно передать следующими тезисами. Во-первых, в начале правления Георга III – у короны еще достаточно способов, чтобы влиять на правительство: личное влияние, взятки, назначение на должности. Во-вторых, «партия королевских друзей» – это те, кто руководствовался соображениями получения должности, но еще большее число – это независимые члены парламента, поддерживающие идею королевской прерогативы (т.е. тори по идейным взглядам) и лично преданные королю. И наконец, как считает Бирд, позиции «друзей короля» противоречили конституционному устройству правительства. И хотя их услуги королю больше ограничивались содействием в политической интриге, но они пользовались ими и для влияния на

обсуждение вопросов в Парламенте [5, р. 492]. Главная особенность ситуации, по мнению Ч. Бирда, характеризовалась осознанным политическим расчетом Георга III. Политический замысел короля состоял в том, что король был «недоволен существующим контролем над министрами». Их «полномочия зависели от Палаты общин, поэтому он пристально наблюдал за дебатами в Парламенте, и хотя он вынужден был какое-то время терпеть тех министров, кого он не любил, он настойчиво работал над тем, чтобы увеличить свой контроль над Палатой общин...» [5, р. 491].

Как мы видим из трактовок Грина и Бирда, одной из «новых» проблем в либеральной историографии являлась проблема определения того, кем являлись «друзья короля». Мнения в отношении этого различны. Так, Дж. Р. Грин полагал, что с начала правления Георга III «тори стали постепенно снова появляться при дворе. <...>. Удаление тори от общественных дел оставило неза тронутыми развитие их политических идей со времени революции 1688 г., и когда они вернулись к политической жизни, они перенесли на нового государя все то благоговение, с которым относились прежде к Стюартам. Таким образом, у Георга III скоро оказалась в распоряжении «королевская партия» [1, с. 449]. Несколько иное определение королевских друзей у Ч. Бирда: «партия королевских друзей» – это те, кто руководствовался соображениями получения должности, но наибольшее число «друзей короля» являлись независимыми членами парламента, поддерживавшими идею «королевской прерогативы» и лично преданные королю [5, р. 491].

В историографии начала XX в. рассмотренные проблемы решались иначе. Так, согласно трактовке Л. Намюра и его последователей борьба в парламенте в целом в течение XVIII века была не между тори и вигами, не из-за политических или идеологических разногласий, а за места и материальную выгоду между отдельными депутатами, группировавшимися вокруг тех или иных лидеров [17; 10–12]. Дж. Кларк вообще отрицал наличие политических партий до парламентской реформы начала XIX в. (до 1832 г.) [8]. Лишь П. Лэнгфорд, характеризуя начало правления Георга III, вновь говорит о возвращении группировки тори к политической власти. «Проявляемая терпимость сменилась гордостью по поводу доступности нового режима для старых тори. При дворе их приветствовали с распростертыми объятиями, наделяя постами, почестями и званиями. В графствах они возвратились (там, где это им не удалось сделать в предшествующее десятилетие) в коллегии мирового суда» [2, с. 416].

В середине XX в. появляются трактовки, для которых характерно стремление объяснить политические события исходя из одновременного действия двух главных причин: особенностей личных взаимоотношений государственных деятелей и раскола партии вигов. Примером таких трактовок, отчасти напоминающих трактовку Дж. Р. Грина и Ч. Бирда, является работа Р. Харриса «Англия в восемнадцатом столетии» [9].

В своем исследовании Р. Харрис считает, что в эпоху устойчивых экономических успехов, связанных с правлением Уолпола и Пэлхема, политических разногласий не было, и вся политика

сводилась к конфликтам конкурирующих личностей. И только после Семилетней войны ситуация начала принципиально меняться, наблюдался возврат к дискуссиям по важнейшим проблемам развития, как и в начале XVIII столетия. Связано это было, по мнению Р. Харриса, с возникновением империи, расширением торговли и собственного производства. Именно тогда и повысилась вновь роль правительства и значимость принимаемых решений. Среди важнейших проблем, которые стояли перед страной, была проблема свободы, поднятая Вилксом и американскими колонистами [9, р. 175].

В соответствии с этим подходом, события начала правления Георга III рассматриваются Р. Харрисом как окончание того периода, когда политика определялась конфликтами «конкурирующих личностей» и началом периода, когда вновь на первый план выдвигаются политические проблемы. Георг III в момент вступления на престол характеризуется Р. Харрисом как малообразованный и не уверенный в своих способностях юноша, находящийся целиком под влиянием своей матери и воспитателя Бьюта. По мнению Харриса, именно они внушили ему идею морального очищения правительства от продажных политиков вигов, которые держали его деда Георга II в положении «заложника» своей политики. Поэтому и задачу очищения «авгиевых конюшен» правительства Георг III возложил на «благородного Бьюта» [9, р. 176].

Характеризуя Бьюта, Харрис не считает его сторонником какой-либо из прежних политических группировок: вигов или тори. На наш взгляд, аргу-

менты Харриса достаточно весомы. Бьют «не имел политического влияния», считает Харрис, поскольку «он не был членом небольшого круга политиков, которые с 1714 г., в основном, распределяли политические должности. Его ненавидели и как Шотландца, который мог бы манипулировать продажными шотландскими городками» [9, р. 176]. По мнению Харриса, если и были политические причины возвышения Бьюта, то они коренились в расколе самих вигов, а в основе раскола было личное соперничество Пита и Ньюкасла и разное понимание главных внешнеполитических задач, стоящих перед Англией. Отставка Пита объясняется Харрисом его политической изоляцией в связи с недовольством большей части вигов его планами продолжения и расширения войны, путем нападения на Испанию [9, р. 177]. А последующая затем в мае 1762 г. отставка и Ньюкасла объясняется им личными мотивами. Ньюкасл демонстративно заявил об уходе из правительства в связи с его возмущением «чрезмерным контролем» над такими его функциями, как распределение должностей и связанных с этим доходов. Кроме того, он был убежден, что его призовут обратно, поскольку он не верил, что после тридцати с лишним лет пребывания у власти «правительство могло бы добиться успеха без него» [9, р. 177].

В соответствии с такой трактовкой Р. Харрис определяет и сущность дальнейших событий, связанных с непрерывной сменой правительств. Харрис исходит из того, что Бьют, не имея политического влияния и необходимых семейных связей, для осуществления функций главы правительства нуждался в поддержке. Такую поддержку

он и получил со стороны «друзей короля». «Было достаточно много людей в политике, которые верили, что Король имел ничем не ограниченное право выбирать своих министров, и что их собственным политическим долгом является поддержка министров, назначенных по выбору Короля, если их совесть не убеждала их в обратном. <....> Когда Бьют был первым министром, они получали свои назначения через Бьюта, и, следовательно, считались, в некотором смысле, его людьми» [9, р.178]. Другими словами, Бьют не был убежденным «идейным» тори, стремящимся восстановить некоторые прерогативы королевской власти.

Преемник Бьюта (Гренвилл. – прим. авт. – Н.Я.) также стремился иметь в своих руках всю систему патронажа, которую он мог собрать, и именно поэтому желал отправить в отставку «друзей короля» и предоставить их должности своим собственным сторонникам (вигам. – прим. авт. – Н.Я.). По мнению Харриса, «отправная точка ошибочных теорий, которые запутывают изучение этого периода» это убеждение, что Георг III чувствовал себя обязанным защищать «друзей короля» [9, р. 179].

Дальнейший анализ политических событий подтверждает, по мнению Харриса, этот вывод. Так, по его мнению, истинные причины последующего падения правительства Гренвилла (1763–1765), связаны не только с возникшим личным конфликтом Гренвилла с королем из-за Бьюта и системы протекций. В большей степени падение правительства Гренвилла объяснялось последствиями двух «мероприятий» его правительства. Это – преследование Вилкса, вновь сделав-

шее актуальным проблему свободы, и экономические реформы, вызвавшие недовольство как в Англии, так и в американских колониях [9, p. 179-180].

Близкую оценку кабинету Гренвилла дает и американский историк Фр. Виквайер. Он отмечал, что, интересуясь только увеличением государственных доходов, Гренвилл якобы не дал себе труда задуматься над возможными последствиями своей политики [15, p. 97]. С политикой в отношении колоний связывает падение Гренвилла и другой современный американский историк, Дж. Баллион: «Гренвилл понимал, что после долгих лет недоверия и непослушания одними словами ничего не добиться. Следовательно, новые налоги должны были вводиться силой и в неблагоприятной обстановке» [4, p. 4].

Причины «падения» последующих кабинетов, по мнению Харриса, те же, что и причины отставки кабинета Гренвилла. Согласно оценке Харриса, следующий кабинет Рокингема (1765-1766) был «слабым», как по причине незначительного числа сторонников Рокингема в парламенте, так и в связи с его политикой в отношении колоний. «Американская политика была исключительно глупой. Действие Гербового (Почтового) сбора вызвало бунты в Америке. Гербовый сбор мог быть взыскан или отменен, но идея отмены этого сбора была запутана принятой Декларацией, подтверждающей право Британского правительства облагать налогами колонии» [9, p. 181].

Характеристика, данная кабинету Рокингема историком XX в. Р. Такером, на наш взгляд, несколько отличается от трактовки Харриса. По его мнению, не все члены правительства Рокингема были согласны с мерами в отношении

североамериканских колонистов. В частности, умеренные члены кабинета Рокингема считали, что парламент имеет право ввести налог на колонии, однако последствия этого отразятся и на метрополии, и на самих колониях. И в первую очередь это приведет к ущемлению интересов британских купцов и мануфактуристов [14, p. 225].

Целиком негативно к итогам правления кабинета Рокингема относится и современный английский историк К. Пери, и его оценка кабинета Рокингема представляется наиболее вероятной. Он считал, что ни сам Рокингом, ни министры его кабинета не сумели решить как проблему границ колоний, так и проблему материального обеспечения верной короне колониальной администрации [13, p. 43]. Причину этого Пери усматривает в том, что правительство было составлено из представителей разных политических группировок. По его мнению, правительство, составленное из «ястребов» и «голубей», было обречено «на колебания между угрозами навести порядок и поиском мирных решений» [13, p. 52].

Оценка следующего правительства, «кабинета Пита», данная Харрисом, еще более негативна. Георг III надеялся на Пита, поскольку «Пит был один из немногих, кто следовал своей собственной политике. Он не был, следовательно, «человеком связи», озабоченным, чтобы находить места для множества своих друзей. Король пришел в восторг, услышав, что Пит намеревается распустить все фракции и привлечь всех трезвомыслящих людей, которые должны сотрудничать на принципе конкретных дел, а не человеческих связей» [9, p. 181]. Но короля постигло горькое разочарование.

«Правительство Чатама (так как Пит теперь стал графом Чатамом), было абсолютным бедствием» [9, р. 181].

В целом, определяя причины политического кризиса в период, начавшийся после окончания Семилетней войны и вступления на престол Георга III, Р. Харрис считает, что это не было следствием политической борьбы тори и вигов за власть (подчеркнуто мною. – прим. авт. – Н.Я.). «К несчастью, между 1763 и 1770 гг. он [Георг III. – прим. авт. – Н.Я.] был не в состоянии найти стабильное правительство. Это было, тем не менее, значительно в большей степени результатом слабостей и разлада вигов, чем ошибок Георга III» [9, р. 188].

Таким образом, Р. Харрис подводит к выводу, что как начало, так и пик политического кризиса был вызван ошибками самих вигов, а король лишь пытался создать дееспособное правительство, обращаясь то к одной, то к другой политической группировке вигов в искреннем стремлении преодолеть, а не инициировать раскол. Но в результате этих попыток возросло влияние «друзей короля», использовавших не искушенного в политике Георга, перепутавшего экономическую проблему с политической. Именно эта ситуация и стала «потрясением для Георга III, и ... началом формирования его собственной политической программы» [9, р. 178].

К концу XX в. в английской историографии появляется трактовка, согласно которой неверными были интерпретации событий как в торийской, так и либерально-вигской историографиях. Примером такой трактовки является подход к событиям XVIII в. Поля Лэнгфорда. По его мнению, вос-

приятие современниками и особенно Эдмундом Берком мероприятий Георга III и Бьюта как «заговора против свободы и государственного устройства» и свидетельства стремления к «установлению новой авторитарной системы» было неверной интерпретацией действительных событий [2, с. 418]. Как считает Лэнгфорд, меры, предпринятые самим Георгом III (Акт о престолонаследии, Акт о гражданском листе), скорее свидетельствовали о дальнейшем ограничении королевских прерогатив, нежели о стремлении к их расширению [2, с. 417].

По мнению Лэнгфорда, главной целью Георга III и Бьюта было лишь стремление «освободиться» от отдельных людей, монополизировавших власть во времена Георга II. Однако, выполняя эту задачу, Георг III и Бьют действовали крайне «неосторожно», чем и восстановили против себя все влиятельные вигские семейства, посчитавшие это восстановлением абсолютизма. В частности, Бьют, официально уйдя с поста главы правительства, используя свое влияние на Георга III как наставника, стремился управлять далее неофициально, внося тем самым неразбериху в действия правительства и содействуя их постоянной смене [2, с. 418]. Согласно трактовке П. Лэнгфорда, политический кризис заключался в постоянной смене правительств («цикличность в правительственной нестабильности»), а причина этого – стремление короля найти премьера, «близкого по духу» и «способного возглавить парламент». Но раскол вигов на группировки, личное соперничество их лидеров создали у историков впечатление правоты Э. Берка в оценке ситуации как попытки

установления новой авторитарной системы [2, с. 419–420].

Отмечает П. Лэнгфорд и влияние войны за независимость английских колоний на внутреннюю ситуацию в Великобритании. По его мнению, оно имело несколько этапов. Прежде всего, хотя эта война и способствовала обострению политической борьбы, но случилось это позже, после первых неудач. Вначале же войны, за исключением «немногих радикальных политиков» и «религиозных диссентеров», разногласия не разделяли тори и вигов по поводу ее необходимости, и те и другие «решительно поддержали войну против Америки» [2, с. 424]. «Для большинства англичан единственным жизнеспособным представлением об империи являлся его старый меркантилистский вариант. Колонии, которые отказывались признать безусловную власть парламента, были не просто бесполезными, но по настоящему опасными» [2, с. 424].

Поднимает Лэнгфорд и вопрос о влиянии экономического кризиса, наступившего после Семилетней войны, и о влиянии политического «брожения», связанного с фигурой Вилкса, которое использовали виги для критики Георга III. «Поводы для недовольства, которые он (Вилкс. – прим. авт. – Н.Я.) эксплуатировал, еще десятью годами ранее нашли бы мало отклика. Ордера на задержание по произвольным обвинениям в политических преступлениях.... широко применялись и прежними правительствами ганноверской эпохи. В свое время их использовали и Пит, и Ньюкасл. Но тогда их применение оправдывали ссылкой на якобитскую угрозу, да и применяли против преследуемых тори, а не гром-

коголосых вигов» [2, с. 420].

Большое значение, на наш взгляд, имеет оценка П. Лэнгфордом деятельности тори в период окончания войны с колониями. По его мнению, экономические и социальные последствия войны с колониями привели к тому, что консервативные силы, в которых не последнюю роль играли сельские джентри (чаще – сторонники тори. – прим. авт. – Н.Я.), стали проводить «в рамках организованного движения Ассоциаций 1779–1780 гг. то, что выглядело как открытая атака на конституционное устройство» [2, с. 425]. Именно это движение, связанное с именем Джорджа Гордона, и явилось одной из причин неудач давно назревшей парламентской реформы уже в XVIII в. [2, с. 426–427].

«Поддерживавшие Уилкса радикалы – это типичные мелкие предприниматели, ремесленники и мастеровые. <...> Когда они обратились с жалобами к стране, то нашли поддержку не только среди провинциальных джентльменов, встревоженных угрозой своим избирательным правам, но и среди своих коллег в городах. Средний класс, <...>, его участие в движении Уилкса, несомненно, свидетельствовало об обретенном им важном месте в политической жизни в эпоху правления Георга III. <...> Старые виги, в своей готовности использовать любое оружие мести против Георга III, многое сделали для того, чтобы узаконить новый дух массовой оппозиции Двору. Без такого сотрудничества народные волнения, связанные с именем Уилкса, имели бы гораздо меньшие последствия» [2, с. 421]. Таким образом, П. Лэнгфорд привлекает внимание и к экономическим, и к социальным об-

стоятельствам, которые способствовали именно борьбе вигов против политики Георга III в период премьерства Норта.

Особая трактовка политической ситуации XVIII в. у Дж. Покока. По его мнению, внутренними причинами политического кризиса во второй половине XVIII в. являлось появление «мощного религиозного движения», которое привело к возникновению «социнианских сообществ англикан, ариан и пресвитериан-кальвинистов». Сторонники этих движений потребовали в 1770 г. освободить их от обязанности подписываться под 39 статьями англиканского вероучения и отозвать «Test and Corporation Acts», запрещавшие католикам, протестантам-неконформистам и нехристианам занимать некоторые государственные должности» [3, с. 499].

Однако, как считает Дж. Покок, эти внутренние причины были порождены внешнеполитическими событиями, среди которых важнейшими являются и Семилетняя война, и война с американскими колониями, и Французская революция. Именно эти события и привели к «чрезвычайному росту государственного долга» в Великобритании, что «приблизило эру революций и подготовило почву для независимости Соединенных штатов» [3, с. 497]. В свою очередь американская, а затем и французская революция привели в дальнейшем к расколу внутри радикального крыла английского Просвещения: рациональных диссентеров и сторонников унитаризма, что «едва не вылилось в английский интеллектуальный якобинизм» [3, с. 501]. Рациональные диссентеры «увидели в революции триумф Просвещения, по-

прежнему трактуемого в религиозном ключе» [3, с. 502].

В целом, обобщая обзор трактовок политической ситуации в Англии во второй половине XVIII в., представляется возможным прийти к следующим выводам. Во-первых, оценки политической ситуации в Англии во второй половине XVIII в., предваряющие до сих пор историографические исследования, основаны более всего на либерально-вигской трактовке политической ситуации Англии XVIII в., отрицающей существование политической борьбы вигов и тори и возлагающей всю вину за просчеты в политике на короля Георга III. Причина этого в том, что дальнейшие успехи в развитии рыночной экономики и реформы парламентской системы, рассматривались как прямое продолжение «прогрессивной» вигской политики XVIII в. Привлекает внимание то, что современные исследования конкретно-исторического характера иначе оценивают политическую ситуацию во второй половине XVIII в., особенно в начале правления Георга III и во время борьбы американских колоний за независимость: от признания нестабильности до признания политической борьбы как среди разных группировок вигов, так и между тори и вигами. Наш взгляд, наиболее близкими к реальной оценке ситуации в Англии во второй половине XVIII в. являются трактовки британских историков лишь начала XIX в. и конца XX в., согласно которым определяющим фактором политического кризиса являлся, прежде всего, раскол среди самой группировки вигов. Последующая политическая борьба уже шла между мелкими фракциями вигов, среди которых было и

немало симпатизирующих некоторым идеям тори.

Отмеченные обстоятельства подводят к необходимости выявить тот исторический материал, который позволит определить как истоки, так и сущность идейно теоретических

взглядов тех, кто критиковал политику, осуществлявшуюся разными вигскими кабинетами во второй половине XVIII века. Особое внимание вероятно следует уделить тем историческим сочинениям, где проводятся параллели с развитием Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грин Дж.Р. Британия. История английского народа: в 2 т. Т. 2. . Мн.: МФЦП. 2007. 680 с.
2. История Великобритании / Под ред. Кеннета О. Моргана. М.: Весь Мир, 2008. 680 с.
3. Покок Дж.Г.А. Великобритания // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниэля Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.
4. Ballion J.L. A Great and Necessary Measure: George Grenville and the Geneses of the Stamp Act 1763-1765. Columbia: University of Missouri Press, 1982. 317 pp.
5. Beard Ch.A. An Introduction to the English Historians. New York: The Macmillan company, 1906. 692 pp.
6. Butterfield H. George III and the Historians. L.: Collins, 1957. 304 pp.
7. Christie I.R. The End of North's Ministry, 1780-82. L.: Macmillan, 1958. 448 pp.
8. Clark J. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 196 pp.
9. Harris R.W. England in the Eighteenth century (1689-1793). Balanced Constitution and New Horizons. L.: Blandford Press, 1963. 232 pp.
10. Namier L.B. The Structure of Politics at the Accession of George III: 2 v. L.: Macmillan, 1929. 514 pp.
11. Owen John B. The Rise of the Pelhams. L.: Methuen, 1957. 357 pp.
12. Pares R. George III and the Politicians. Oxford: University Press, 1953. 224 pp.
13. Perry K. British Politics and the American Revolution. Basingstoke: MacMillan Education, 1990. 176 pp.
14. Tucker R.W., Hendrickson D.C. The Fall of the First British Empire: Origins of the War of American Independence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. 450 pp.
15. Wickwire Fr.B. British Subministers and Colonial America, 1763-1783. Princeton: University Press, 1966. 228 pp.

REFERENCES

1. Grin Dzh.R. Britaniya. Istoriya angliiskogo naroda: v 2 t. Tom 2. [Green George.R. Britain. History of the English nation: 2 vol. Vol. 2.]. Mn., MFTSP, 2007. 680 p.
2. Istoriya Velikobritanii / Pod red. Kenneta O. Morgana [A history of Britain / ed. by Kenneth O. Morgan]. M., Ves' Mir, 2008. 680 p.
3. Pokok Dzh.G.A. Velikobritaniya // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskii slovar' / Pod red. Vinchentso Ferrone i Danielya Rosha [Pocock George.G. UK // The World Of Education. Historical dictionary / ed. by Vincenzo Ferrone and Daniel Roche]. M., Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2003. 668 p.
4. Ballion J.L. A Great and Necessary Measure: George Grenville and the Geneses of the Stamp Act 1763-1765. Columbia: University of Missouri Press, 1982. 317 pp.

5. Beard Ch.A. An Introduction to the English Historians. New York: The Macmillan company, 1906. 692 pp.
6. Butterfield H. George III and the Historians. L.: Collins, 1957. 304 pp.
7. Christie I.R. The End of North's Ministry, 1780-82. L.: Macmillan, 1958. 448 pp.
8. Clark J. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 196 pp.
9. Harris R.W. England in the Eighteenth century (1689-1793). Balanced Constitution and New Horizons. L.: Blandford Press, 1963. 232 pp.
10. Namier L.B. The Structure of Politics at the Accession of George III: 2 v. L.: Macmillan, 1929. 514 pp.
11. Owen John B. The Rise of the Pelhams. L.: Methuen, 1957. 357 pp.
12. Pares R. George III and the Politicians. Oxford: University Press, 1953. 224 pp.
13. Perry K. British Politics and the American Revolution. Basingstoke: MacMillan Education, 1990. 176 pp.
14. Tucker R.W., Hendrickson D.C. The Fall of the First British Empire: Origins of the War of American Independence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982. 450 pp.
15. Wickwire Fr.B. British Subministers and Colonial America, 1763-1783. Princeton: University Press, 1966. 228 pp.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яснитский Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;

e-mail: kaF-nim@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yasnitsky Nikolay A. – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the department of the New, Newest History and Methodology, Moscow Region State University;

e-mail: kaF-nim@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Яснитский Н.А. Трактовки политической ситуации в Англии второй половины XVIII в. в британской историографии XIX–XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 1. С. 41–51.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-41-51

CORRECT REFERENCE

N. Yasnitsky. The political situation in England of the first half of the XVIII century interpreted by british historiography of XIX–XX centuries // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 1, pp. 41–51.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-1-41-51